

Расмус-бродяга

Автор:

Астрид Линдгрен

Расмус-бродяга

Астрид Линдгрен

В повести «Расмус-бродяга» рассказывается о судьбоносных событиях в жизни девятилетнего мальчика, круглого сироты. Когда в приюте становится совсем невыносимо, он бежит куда глаза глядят. Во время своих скитаний Расмус знакомится с бродягой Оскаром. Впереди их ждут опасные приключения, которые, к счастью, закончатся благополучно.

Астрид Линдгрен

Расмус-бродяга

ASTRID LINDGREN

Rasmus p? Luffen

First published in 1956 by Raben & Sj?gren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com
(<http://www.astridlindgren.com/>).

All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Liding?, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se
(mailto:info@astridlindgren.se)

© Text: Astrid Lindgren, 1949 / The Astrid Lindgren Company

© Брауде Л.Ю., наследники, перевод на русский язык, 2018

© Соловьёва Е.А., перевод на русский язык, 2018

© Костина Е.А., иллюстрации, 2018

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Machaon®

* * *

Глава первая

Расмус сидел на своём излюбленном месте, на сухой ветке липы, и думал о самых противных вещах. Хорошо, если бы их на свете не было вовсе. Первая из них – картошка! Нет, конечно, пусть картошка будет, но только варёная да ещё с соусом, который дают по воскресеньям. А той, что растёт с Божьего благословения на поле, которую нужно окучивать, лучше бы не было. Фрёкен

Хёк[1 - Ястреб (шв.).] тоже лучше бы не было. Ведь это она сказала:

- Завтра мы будем окучивать картошку целый день.

Она сказала «мы», но это не значит, что фрёкен Хёк будет им помогать. Не тут-то было, это Расмусу, Гуннару, Петеру-Верзиле и другим мальчишкам придётся ползать по картофельному полю и надрываться весь долгий летний день. А деревенские ребята пойдут мимо на речку купаться! Несчастные задавалы! Между прочим, хорошо бы, их тоже не было!

Расмус задумался, что бы ещё такое отменить. Но тут ему помешал негромкий окрик снизу:

- Расмус! Прячься! Ястребиха идёт!

Это крикнул Гуннар, высунувшись из двери дровяного сарая. Расмусу пришлось поторапливаться. Он быстро соскользнул вниз, и, когда фрёкен Хёк появилась у сарая, на зелёной ветке его уже не было. И в этом ему повезло, ведь фрёкен Хёк не нравилось, когда мальчики торчат на деревьях, как птицы, вместо того чтобы делать полезную работу.

- Надеюсь, ты берёшь только еловые дрова, Гуннар?

Фрёкен бросила строгий взгляд на поленья, которые Гуннар отложил в корзину.

- Да, фрёкен Хёк, - ответил Гуннар тоном, каким и положено отвечать фрёкен Хёк. Особым голосом приютского ребёнка, каким он говорит с директрисой или с пастором, который пришёл с инспекцией и спрашивает, нравится ли детям ухаживать за садом. Или когда приходят родители деревенских ребятшек и спрашивают, почему отлупили их сына, который кричал кому-то на школьном дворе: «Приходский босяк!» А приходскому надлежит отвечать таким вот голосом, покорным и вежливым, потому что так велят ему фрёкен Хёк, пастор и прочее начальство.

- Ты знаешь, где Расмус? - спросила фрёкен Хёк.

Расмус в страхе сильнее прижался к ветке, на которой висел, и молил Бога, чтобы фрёкен Хёк поскорее ушла. Ведь долго-то он так не выдержит, не хватало ещё, чтобы руки у него ослабели и он упал прямо к ногам фрёкен Хёк. Полосатая сине-белая рубашка (ах эта приютская рубашка) была видна издалека. Учительница в школе сказала, мол, птиц на деревьях так трудно разглядеть оттого, что Бог дал им защитную окраску. Но приютских мальчишек Господь обошёл, не дав им защитной окраски. Потому Расмус горячо молил Бога, чтобы фрёкен Хёк поскорее убралась отсюда, покуда он не задохнулся.

Совсем недавно она ругала его за то, что он самый большой грязнуля в приюте, и сейчас он об этом вспомнил. Ну, погоди! В следующий раз он ей ответит: «Просто я хочу получить защитную окраску».

Да, конечно, он может это только прошептать тихонечко, про себя. Такое не бросишь ей в лицо. У фрёкен Хёк строгие глаза, рот у неё тоже строгий, губы всегда крепко сжаты, а на лбу иногда появляется строгая морщинка. Гуннар уверяет, что у неё даже нос строгий. Но Расмус с ним не согласен, он считает, что нос у фрёкен Хёк очень даже красивый!

Хотя сейчас, когда он висел на дереве и не чувствовал онемевших рук, он не помнил, что в ней было красивого. А Гуннар, робко семенивший возле корзины с дровами под строгим взглядом фрёкен Хёк, не смел поднять глаз и не мог видеть, строгий у неё нос или нет. Ему был виден лишь кусок её жестко накрахмаленного передника.

– Тебе известно, где Расмус? – нетерпеливо повторила фрёкен Хёк, не услышав ответа на свой первый вопрос.

– Я только что видел его возле курятника, – сказал Гуннар.

И это была чистая правда. Полчаса назад Гуннар и Расмус искали яйца в зарослях крапивы, где иногда неслись глупые куры. Так что Гуннар не соврал. Но где он сейчас, Гуннар предпочёл не говорить.

– Если увидишь его, передай, что я велела ему нарвать корзину крапивы, – сказала фрёкен Хёк и резко повернулась на каблуках.

– Хорошо, фрёкен Хёк, – ответил Гуннар.

– Слыхал, что она сказала? – спросил он, когда Расмус слез с липы. – Тебе велено нарвать корзину крапивы.

«Хорошо, кабы крапивы тоже не было», – подумал Расмус.

Всё долгое лето нужно было рвать крапиву для кур, им каждый день варили крапивную кашу.

– Неужто эти дурацкие птицы не могут сами клевать крапиву, которая растёт у них под носом?

– Нет, ни за что на свете! – ответил Гуннар. – Их нужно угощать. Пожалуйста! Кушать подано!

Он низко поклонился курице, которая неспешно шла, кудахтая, мимо.

Расмус никак не мог решить, нужны ли курицы на свете или нет, но под конец решил, что всё-таки нужны. Иначе приютские не получат по воскресному яйцу. А без воскресного яйца не узнаешь, что наступило воскресенье. Нет, пусть уж куры будут. Поэтому хочешь не хочешь, а надо идти рвать крапиву.

Расмус был не ленивее остальных девятилетних ребяташек. Просто он испытывал понятную для его возраста нелюбовь ко всему, что мешало ему лазить по деревьям, купаться в речке или играть в разбойников с мальчишками, прятаясь за картофельным погребом, и подкарауливать девчонок, которые ходят в погреб за картошкой. Он считал, что это самое подходящее занятие в летние каникулы. Фрёкен Хёк никак не могла с этим согласиться, и это тоже было вполне объяснимо. Вестерхагский приют жил не только за счёт городка, но и за счёт того, что торговал яйцами и овощами. Дети были дешёвой рабочей силой, и фрёкен Хёк вовсе не считала, что мучит их, хотя для Расмуса было сущим наказанием окучивать картошку целыми днями. Фрёкен Хёк понимала, что ему, как и всем сиротам, живущим в приюте, в тринадцать лет придётся самому зарабатывать на жизнь и поэтому надо вовремя научиться работать. Правда, она не могла понять, как важно даже приютским детям иметь возможность поиграть. Но этого от неё, верно, и нельзя было требовать, по натуре она никогда не была особенно «игривой».

Расмус послушно рвал крапиву возле курятника, время от времени повторяя:

– Лентяйки паршивые! Пожалуй, лучше бы вас всё-таки не было! Крапивы здесь тьма-тьмущая, так нет, вам этого мало! Я должен здесь батрачить на вас как негр!

Чем дальше он об этом думал, тем сильнее чувствовал себя негритянским рабом, и это было довольно приятно. В прошлой четверти школьная учительница читала им про американских рабов. Слушать, когда фрёкен читает книгу, было для него самым замечательным на свете. А интереснее этой книжки про негритянских рабов он ничего не слышал.

Он рвал крапиву и тихонечко стонал, воображая, как над ним свистит кнут надсмотрщика, а за кустами притаились ищейки, готовые вцепиться в него зубами, если он будет наполнять корзину недостаточно проворно. Ведь сейчас он не рвал крапиву, а собирал хлопок. Правда, большая рукавица, которую он надел, чтобы не жгла крапива, вряд ли пригодилась бы негру южных штатов, работающему под палящим солнцем, но без неё Расмусу обойтись было никак нельзя.

Расмус всё рвал и рвал крапиву. Но ведь и негритянскому рабу может иногда повезти. Возле кустов росло несколько высоченных крапивин. Расмус уже наполнил корзину доверху, но, чтобы подразнить ищеек, сорвал их. И тут он увидел в опилках что-то похожее на пятиэровую монетку. Сердце у него сильно заколотилось. Не может быть, что это пять эре! Такого не бывает. Но всё же он осторожно снял рукавицу и протянул руку, чтобы проверить, что там лежит.

И это в самом деле была денежка в пять эре! Хлопковое поле исчезло, ищейки испарились, бедный негритянский раб был сам не свой от счастья.

Ведь что можно было купить на пять эре? Большой кулёк карамелек, пять тянучек или плитку шоколада. Всё это можно было выбрать в деревенской лавке. Он может туда сбегать в обеденный перерыв, ну хотя бы завтра, а может, не нужно туда бежать, а сохранить эти пять эре и каждый день чувствовать себя богачом, зная, что может купить всё, что угодно.

Да, пусть себе куры будут на свете, и крапива пусть будет. Ведь без них этого бы не случилось. Он пожалел, что ещё совсем недавно ругал кур. Правда, они не очень-то расстраивались и продолжали клевать что попало во дворе, но всё же ему хотелось, чтобы они знали, что он, собственно говоря, ничего против них не имеет.

– Конечно, как же без вас на свете, – сказал он и подошёл к железной сетке, ограждающей куриный двор. – И я готов рвать для вас крапиву каждый день.

И тут случилось новое чудо: в курином дворе, у самых ног одной кудахтающей несущки, он увидел ракушку. Прямо на кучке куриного помёта красовалась красивая белая ракушка с маленькими коричневыми пятнышками.

– Ах! – воскликнул Расмус. – А-ах!

Он быстро снял крючок с калитки и, не обращая внимания на то, что куры испуганно закудахтали и бросились врассыпную, подбежал к ракушке и схватил её.

Теперь счастье его было так велико, что он не мог им не поделиться. Он просто был вынужден пойти и рассказать обо всём Гуннару. Бедный Гуннар, ведь всего час назад он был с ним возле курятника и не нашёл ни ракушки, ни пяти эре! Расмус задумался: а может, час назад там ещё не было ни раковины, ни монетки? Может, их кто-нибудь наколдовал, когда он начал рвать крапиву? Может, сегодня для него просто какой-то волшебный день, когда случаются всякие чудеса?

– Пожалуй, нужно спросить у Гуннара, что он обо всём этом думает.

Расмус пустился было бежать, но, вспомнив про корзину с крапивой, вдруг остановился. Он вернулся к калитке и взял корзину и лишь тогда, крепко зажав в ладошке ракушку и монетку, побежал искать Гуннара.

Он нашёл его на площадке для игр. Там была целая куча детей, и Расмус сразу понял, что они чем-то взволнованы. Видать, что-то случилось, пока его здесь не было.

Расмусу не терпелось поскорее отозвать Гуннара и показать ему свои сокровища. Но у Гуннара были дела поважнее.

– Завтра мы не пойдём окучивать картошку, – сказал он задумчиво. – Приедут какие-то люди выбирать ребёнка.

После этой новости пять эре и ракушка тут же поблёлкли. Теперь у кого-то из детей будет свой дом. Что может с этим сравниться? В Вестерхагском приюте не было ни одного ребёнка, который бы не мечтал о таком счастье. Даже те, кому скоро предстояло самим зарабатывать себе на хлеб, вопреки здравому смыслу надеялись на чудо. И самые некрасивые, самые озорные, самые непослушные не оставляли надежду обзавестись семьёй. Они тайно мечтали, что в один прекрасный день явится кто-то, кто захочет взять именно его или её. Не в малолетние работники или служанки, а как своё родное дитя. Мечтал об этом и девятилетний Расмус.

– Подумать только! – оживился он. – А вдруг они захотят взять меня? Ах, как я хочу, чтобы они выбрали меня!

– Тоже выдумал! – ответил Гуннар. – Они всегда выбирают кудрявых девчонок.

Гуннар был очень некрасивый и курносый, а волосы у него походили на козью шерсть. Но, несмотря на такую внешность, он тоже надеялся, что у него будут отец и мать, правда он держал это в глубокой тайне. Никто не должен был заметить, что его хоть мало-мальски интересует, кого завтра выберут.

Расмус лежал на узенькой кровати рядом с кроватью Гуннара в спальне мальчиков, когда вдруг вспомнил, что не успел рассказать другу про ракушку и пятиэровую монетку. Свесившись с кровати, он прошептал:

– Послушай, Гуннар, со мной сегодня такое приключилось!

– Что такого особенного с тобой приключилось?

– Я нашёл пять эре и красивую-прекрасивую ракушку. Только никому об этом не говори!

– А ну покажи, – прошептал Гуннар с любопытством. – Пошли к окну, чтобы я мог разглядеть!

Они прокрались к окну, как были, в ночных рубашках. И Расмус осторожно, так, чтобы никто, кроме Гуннара, не увидел, показал ему в полумраке летнего вечера свои сокровища.

– Везёт же тебе! – сказал Гуннар и погладил гладкую ракушку указательным пальцем.

– Правда, здорово? Поэтому-то я думаю, может, всё же они меня завтра выберут.

– Как же, жди! – ответил Гуннар.

У самой двери лежал Петер-Верзила, он был старше всех мальчишек и потому считал себя вожаком. Он приподнялся на локте и напряжённо прислушался.

– Быстрее ложитесь! – сказал он шёпотом. – Ястребиха идёт... Я слышу, как она топает по лестнице.

Заплетаясь в длинных рубашках, Гуннар и Расмус помчались к своим постелям. И когда Ястребиха вошла, в спальне царила тишина.

Директриса совершала вечерний обход. Она ходила от одной кровати к другой и проверяла, всё ли в порядке. Случалось, правда очень редко, что она легонько похлопывала какого-нибудь мальчишка разок-другой, неласково, словно сама того не желая. Расмус не любил Ястребиху и всё же каждый вечер надеялся, что она похлопает именно его. Он сам не знал почему, просто очень хотел, чтобы она похлопала именно его.

«Если она похлопает меня сегодня, – подумал он, – тогда и завтра тоже у меня будет волшебный день. Значит, те, что приедут, выберут меня, хотя у меня и прямые волосы».

Фрёкен Хёк подошла к его постели. Расмус замер. Сейчас... вот-вот... она дотронется до него.

– Расмус, не щипли одеяло! – сказала фрёкен Хёк строго и пошла дальше.

Минуту спустя она закрыла за собой дверь, спокойная, решительная и неумолимая. В спальне было тихо. Лишь глубокий вздох Расмуса нарушил эту тишину.

Глава вторая

Ох и много же мыла смыли мальчики на следующее утро! Если верить фрёкен Хёк, приёмным родителям больше всего на свете нравятся чисто вымытые уши и руки, значит, надо постараться изо всех сил.

Расмус положил в шайку большой комок мягкого мыла и усердно тёр себя, чего не делал с самого Рождества. Пусть он мальчик с прямыми волосами, но если всё зависит от чистых ушей, он намочит их так, что они будут самыми чистыми во всей Вестерхаге. И таких красных, начищенных рук, как у него, тоже ни у кого не будет. Правда, девчонки и в этом их обгоняют, они до противного чистюли. Будто грязь не пристаёт к ним так, как к мальчишкам. К тому же они всё время моют посуду, чистят, скребут да пекут, а от этого сам по себе будешь чистым.

Посреди комнаты стоял Петер-Верзила, он и не думал мыться – даже не притронулся ни к мылу, ни к щётке. Нынче осенью ему исполнится тринадцать и поневоле придётся покинуть Вестерхагу. Хочешь не хочешь, а он будет малолетним работником у кого-нибудь из крестьян, он это знал, и потому даже чисто вымытые уши в этом деле ему не помогут.

- Плевать я хотел на это мытьё! – громко сказал он.

На мгновение мальчишки замерли у шаек со щётками в руках. Петер-Верзила был у них за жоака, и раз он не желал мыться, так что же делать остальным?

- И я плевать хотел на это мытьё! – воскликнул Гуннар и положил щётку.

Он тоже знал, что ни вода, ни мыло не сотворят с ним чуда.

- Ты что, спятил? – спросил Расмус, вытирая мокрые волосы, падающие ему на глаза. – Ведь ты знаешь, кто сегодня приедет!

- А ты, верно, думаешь, приедет сам король Оскар! – ответил Гуннар. – Плевать мне на того, кто приедет. Будь это король собственной персоной или старьёвщик из Чисы, я мыться не собираюсь.

Тётушка Ольга, повариха, в отличие от фрёкен Хёк женщина разговорчивая, рассказала, что приедет торговец, не тот, что торгует старьём, а человек богатый и почтенный. Он приедет со своей женой. Детей у них нет, а значит, некому будет оставить своё наследство. Мол, поэтому они и решили приехать в Вестерхагу и взять ребёнка на воспитание.

«Надо же, – подумал Расмус, – кому-то достанется целый магазин, полный леденцов, постного сахара, лакричных конфет, да ещё, ясное дело, муки, мыла и селёдки!..»

- А я всё же помоюсь, – решительно сказал он и принялся тереть локти.

- Да, да. Давай мойся! – крикнул Гуннар. – Я тебе помогу!

Он схватил Расмуса сзади за шею и быстро окунул его головой в таз. Рассерженный Расмус вскочил отфыркиваясь. А Гуннар стоял и смеялся, его добродушное курносое лицо сияло от радости.

- Неужто ты разозлился? – подзадорил он Расмуса.

И Расмус тоже засмеялся. У него никогда не получалось долго сердиться на Гуннара. Но помыться Гуннару всё же придётся. «Ну держись, Гуннар! Сейчас я тебя окачу», – сказал Расмус и, схватив таз, угрожающе направился к Гуннару, который стоял у двери в умывальную и уже ждал нападения. Он успел отскочить в сторону, и горячий душ достался тому, кто появился на пороге.

А на пороге стояла фрёкен Хёк. Трудно сдержать смех в такой момент, и мальчики невольно захихикали. Один из них не удержался и разразился отчаянным, испуганным и немного визгливым смехом. Это был Расмус. Какое-то безумное мгновение он хохотал, а потом замер, в отчаянии ожидая катастрофы. А катастрофа была неизбежна, это он понимал.

Фрёкен Хёк отличалась большим самообладанием, и это она сейчас доказала. Она лишь встряхнулась, как мокрая собака, и неодобрительно посмотрела на Расмуса.

– Сейчас мне некогда с тобой разбираться, – сказала она. – Поговорим позднее.

Потом она громко захлопала в ладоши и крикнула:

– Собираемся во дворе через полчаса. За это время вы должны успеть застелить постели, убраться в спальне и позавтракать.

Сказав это, она ушла, даже не взглянув на Расмуса. И тут раздался ликующий хохот.

– Хорошенький душ она получила, чтоб я пропал! – воскликнул Петер-Верзила. – На этот раз ты метко попал, Расмус.

Но Расмус не мог разделить их радости. Этот день не принёс ему ни чудес, ни родителей. Наказание для него, видно, будет тяжёлое, ведь проступок его был в самом деле ужасным. От страха и волнения его бил озноб, его худенькое тело сотрясилось, словно в лихорадке.

– Одевайся давай, – сказал Гуннар. – Ты так замёрз, что даже посинел. – И тихо добавил: – Это я виноват, что ты окатил Ястребиху.

Расмус, дрожа, надел рубаху и штаны. Какая разница, кто виноват. Ведь ни он, ни Гуннар не знали, что так получится. Но он боялся наказания, которое придумает для него Ястребиха. За проступок детей иногда пороли розгами. Фрёкен Хёк выпорола однажды Петера-Верзилу за то, что он воровал яблоки в саду пастора. А Элуфа выпороли за то, что в гневе он обозвал повариху кухонной крысой. И вот теперь и ему, Расмусу, не миновать порки в комнате Ястребихи.

«Если она будет пороть меня, я умру, – подумал Расмус. – Умру, и всё, да и пусть умру».

Приютскому мальчику с прямыми волосами, которого никто не хочет взять, лучше умереть.

Он вышел во двор вместе с остальными детьми, но подавленное настроение не покидало его. Фрёкен Хёк была уже там, переодетая, нарядная, в чёрном платье и белом накрахмаленном переднике. Она захлопала в ладоши и сказала:

– Вы, наверно, уже слышали, что у нас сегодня будут гости. Скоро к нам приедут господа поглядеть на вас. Играйте, как обычно, только постарайтесь вести себя лучше. Ну вот и всё, идите играть!

Чего-чего, а играть Расмусу не хотелось. Да и вряд ли у кого есть такое желание, подумал Расмус. Он залез на свою липу. Здесь он по крайней мере может спокойно посидеть. К тому же отсюда видна аллея, он сможет увидеть, когда появится торговец. Хотя надеяться на то, что его возьмут, уже не приходится, но будет хотя бы интересно взглянуть на этих людей.

Он сидел на ветке, словно в зелёном шатре, и ждал. Ракушка и пять эре лежали у него в кармане. Он вынул их и стал разглядывать. Так приятно было держать их в руке.

«Мои сокровища, – подумал он с нежностью, – мои драгоценные сокровища!»

Несмотря на все несчастья, он не мог не радоваться своему скромному богатству.

И тут он услышал вдалеке, в конце аллеи, топот копыт. Звук приближался, и вскоре из-за поворота показалась коляска. Две гнедые лошадки весело трусили по пыльной просёлочной дороге. Когда экипаж подъехал к калитке, кучер придержал их громким «Тпруу!».

В коляске сидели господин и дама. О, какая она была красивая! На голове у неё была маленькая голубая шляпка с белыми пёрышками, которые покачивались над её светлыми волосами, уложенными в высокий узел. В руке она держала белый кружевной зонтик для защиты от солнца. Но она наклонила его назад, и Расмус мог разглядеть её красивое лицо. Её светлое муслиновое платье с широкой длинной юбкой было тоже очень красиво. Выходя из коляски, она приподняла юбку маленькой белой рукой. Расмус решил, что она похожа на фею из сказки. Её муж, толстенький коротышка, помог ей выйти из коляски. Он был вовсе не такой красивый, как она. И на сказочного принца он ни капельки не походил. Но зато у него был магазин, полный лакричных конфет и леденцов.

Муж распахнул калитку, и дама меленькими шажками вошла во двор. Расмус изо всех сил наклонился вперёд, чтобы не упустить ни малейшей подробности её прекрасного облика. Подумать только, какое счастье иметь такую маму!

– Мама, – тихо сказал Расмус, словно заучивая это слово. – Мама!

Ах, если бы это был для него день чудес! Тогда красивая дама поняла бы, что только его, одного его из всей Вестерхаги ей нужно взять в сыновья. Тогда, увидев его, она бы сразу сказала: «Ах, как раз такого мальчика с прямыми волосами мы и хотим взять». А торговец кивнул бы и добавил: «Конечно. Он пригодился бы нам в лавке, я поручил бы ему отдел леденцов».

А когда фрёкен Хёк собралась бы увести его в свою комнату и выпороть, торговец сказал бы: «Не трогайте, пожалуйста, нашего мальчика!»

Потом они посадили бы его в коляску, и он держал бы красивую даму за руку, а Ястребиха стояла бы у калитки с розгой разинув рот. Она слышала бы, как стук колёс уносится всё дальше и дальше по аллее. А под конец, когда он стихнет, она всплакнула бы немного и сказала: «Вот и уехал наш Расмус».

Он вздохнул. Ах, если бы на свете не было столько кудрявых девчонок! Грета, Анна-Стина, Эльна. Целых три в одном только Вестерхагском приюте! И Элин тоже, но она малость придурковата, и её-то они наверняка не возьмут.

Он быстро спустился с дерева. Торговец и его жена были уже во дворе и могли в любую минуту схватить кудрявую девчонку. Пусть они сначала хотя бы увидят его, а потом уж пеняют на себя, если не захотят его взять.

Он решительно вышел во двор как раз в тот момент, когда фрёкен Хёк приветствовала гостей.

– Пожалуйста в сад, выпьем кофе и побеседуем, – сказала она, широко улыбаясь. – А тем временем вы, дорогие гости, сможете поглядеть на детей.

Красивая дама тоже улыбнулась. Она улыбнулась как-то робко и неуверенно поглядела на собравшихся детей.

– Да, можно нам посмотреть, кого...

Муж ободрительно похлопал её по плечу.

– Да, да, – сказал он. – Пойдём выпьем кофе, всё будет хорошо.

Дети играли в лапту рядом на площадке. Им велели играть, и они играли. Но это была пустая затея, играть никому не хотелось. Разве пойдёт на ум игра, когда всё твоё будущее зависит от того, как ты ведёшь себя и как выглядишь в это утро. Дети тайком бросали взгляды на трёх взрослых, сидевших за столом возле куста сирени. На площадке для игр царила тишина. Никто не ссорился, никто не смеялся. Слышны были лишь удары лапты по мячу, которые в это тихое летнее утро удивительно раздражали слух.

Робко, как ягнёнок, которого отняли от стада, Расмус подошёл к кусту сирени. Он не знал, что гости и фрёкен Хёк сидят за садовым столом, а когда обнаружил это, было уже поздно. Ему пришлось идти мимо них. Ноги у него онемели, а на лице застыло напряжённое и странное выражение. Он исподволь косился на фрёкен Хёк. Расмус был совсем близко от неё, слишком близко, и спотыкался, стараясь поскорее смешаться с ватагой ребятишек на игровой площадке.

Он поглядел украдкой и на красивую даму, как раз в тот момент, когда она бросила на него взгляд. И тут он остановился, не в силах двинуться с места. Он стоял смущённый и таращил на неё глаза.

– Расмус! – строго сказала фрёкен Хёк и замолчала.

Ведь господа для того и приехали, чтобы посмотреть на детей.

– Так тебя зовут Расмус? – спросила красивая дама.

Не в силах ответить, Расмус только кивнул.

– Нужно поклониться, когда здороваешься, – напомнила фрёкен Хёк.

Расмус покраснел и торопливо поклонился.

– Хочешь печенья? – спросила жена торговца и протянула ему одну печенюшку.

Расмус бросил быстрый взгляд на фрёкен Хёк, узнать, можно ли ему взять её.

Фрёкен Хёк кивнула, и Расмус взял печенюшку.

– Не забудь поклониться, – снова сказала фрёкен Хёк.

Расмус покраснел ещё сильнее и снова поклонился. Он продолжал стоять, не зная что делать. Есть печенье он не осмеливался и не знал, идти ему или продолжать стоять.

– А теперь беги и играй! – велела фрёкен Хёк.

Тут Расмус резко повернулся и опрометью пустился бежать. Он уселся на траву рядом с площадкой и в великом огорчении съел печенюшку. Он вёл себя по-дурацки, стоял как пень, не смог даже поклониться и сказать спасибо. Теперь уж жена торговца точно решила, что он болван.

Солнце поднималось всё выше. Стоял ясный, погожий летний день. И картошку не надо было окучивать. Но для детей из Вестерхагского приюта это был тяжёлый день, полный томительного ожидания. Игра в мяч скоро окончилась. Никто из них даже не мог делать вид, что ему весело. Они не знали, как воспользоваться этим странным свободным временем, которое будет длиться столько, сколько пожелают эти люди. Никогда ещё не было у этих детей такого тяжёлого утра.

Они стояли без цели на площадке маленькими группками и исподволь следили глазами за дамой с зонтиком. Её муж сидел за кофейным столом и читал газету, очевидно, предоставив ей делать выбор. А жена торговца ходила от одной группы детей к другой. Она по очереди разговаривала с ними, немного застенчиво и неловко, не зная, что говорить этим несчастным ребятишкам, которые так странно смотрели на неё.

Этот маленький мальчик, Расмус, таращил на неё глаза пристальнее всех. Казалось, в его тёмных глазах, слишком больших для худенького веснушчатого лица, застыла мольба.

Но были среди них и другие, чьи глаза просили, умоляли. Например, девочка с пухлыми румяными щёчками и целой копной светлых кудряшек, падающих на лоб. Её невозможно было не заметить, она всё время провожала гостью взглядом. Это была храбрая малышка. Одна она осмеливалась улыбаться в ответ на улыбку.

Жена торговца подбадривающе потрепала её по щеке.

– Как тебя зовут, милая?

– Грета, – ответила кудрявая блондинка и сделала книксен. – Какой у вас красивый зонтик, тётя!

Тётя покрутила кружевной зонтик, она сама находила этот зонтик красивым. Но тут, на беду, она уронила зонтик в траву и не успела нагнуться, как к нему бросилась Грета. И не только Грета. Рядом стоял Расмус, который старался держаться как можно ближе к красивой гостье. Он тоже кинулся к зонтику. О, наконец-то и он покажет, что умеет быть вежливым.

– Отпусти! – сказала Грета и дёрнула к себе зонтик.

– Нет, это я... – начал было Расмус.

– Отпусти, тебе говорят! – повторила Грета и снова дёрнула зонтик.

Внезапно у него в руке оказалась изогнутая ручка от зонта. Он с ужасом уставился на неё. Другую часть зонта держала Грета. Она испугалась не меньше его. Поняв наконец, что случилось, она заплакала.

И тут к ним подскочила фрёкен Хёк.

– Ну что за наказание этот Расмус! – закричала она. – Ты просто невыносим сегодня. Неужто ты никогда не выучишься вести себя как подобает!

Расмус побагровел, горячие слёзы стыда и отчаяния выступили у него на глазах. Жена торговца стояла опечаленная тем, что причинила этим детям столько горя.

– Не беспокойтесь, – примирительно сказала она. – Ручку можно снова привинтить. Я попрошу мужа это сделать.

Она взяла сломанный зонтик и поспешила к мужу, который всё ещё сидел за кофейным столом. Грета быстро вытерла слёзы и потрусилась за гостьей, как маленькая любопытная собачонка. Она остановилась на расстоянии двух шагов от стола и с любопытством смотрела, как торговец привинчивает ручку.

– Как хорошо, что он снова целый, – радостно сказала она.

Грета улыбалась, а её светлые курчавые волосы сияли на солнце.

А Расмус исчез. С горя за свой стыд и неподобающие мужчине слёзы он спрятался в уборной. Для раненой души это было самое подходящее место,

здесь можно было легче всего забыть про свои несчастья. В куче нарезанных газет можно было всегда почитать что-нибудь интересное и не думать о разных там красивых жёнах торговцев и кружевных зонтиках.

Расмус сидел, углубившись в чтение. И тут ему повезло, он нашёл что-то из ряда вон выходящее. Широко раскрыв глаза, он читал по складам сообщение в газете:

ГРАБЁЖ НА ЗАВОДЕ САНДЁ

Вчера на заводе Сандё было совершено дерзкое преступление. Двое в масках проникли в заводскую контору и, угрожая пистолетом, забрали в кассе недельную зарплату, после чего грабители бесследно исчезли.

Расмус представил себе этих людей в масках и поёжился от возбуждения. Про жену торговца он сейчас вовсе забыл.

Но, когда спустя несколько часов гости уехали из Вестерхаги, он стоял у калитки и долго смотрел вслед удаляющейся коляске. На заднем сиденье примостилась Грета. Её голова в светлых кудряшках торчала рядом с голубой шляпкой, украшенной пёрышками. Да, Грета уехала... Наверняка она сейчас держала красивую даму за руку.

Глава третья

– Ну, что я тебе говорил? – воскликнул Гуннар, когда коляска исчезла из виду. – Они всегда выбирают кудрявых девчонок.

Расмус кивнул. Так оно и есть. Мальчикам ни за что не повезёт, если рядом есть кудрявые девчонки.

И всё же не может быть, что нигде на свете не найдётся хоть кто-нибудь, кто захочет взять мальчика с прямыми волосами. Хотя бы кто-нибудь один... где-нибудь... далеко, за тем поворотом дороги.

– Послушай, я знаю, что надо делать, – горячо сказал Расмус. – Нужно удрать отсюда и самому искать родителей.

– Что ты вздумал? Каких ещё родителей?

Гуннар не понял его.

– Ну, таких, кто захочет взять ребёнка. Ведь выбирать им там не из кого, так они могут взять даже не кудрявого мальчика.

– Да ты у нас голова! – ответил Гуннар. – В самом деле, подойди к Ястребихе и скажи ей: «Прошу прощения, сегодня я не буду окучивать картошку, мне надо идти искать кого-нибудь, кто захочет меня взять».

– Дурак ты, и всё тут. Ясное дело, нужно уйти, не спросив Ястребиху. Убежать отсюда, понятно?

– Беги, – сказал Гуннар. – Захочешь есть, вернёшься. Если тебя ещё ни разу не пороли, то тут уж выпорют хорошенько.

Гуннар сказал «выпорют». Расмус вздрогнул. Как он мог забыть про наказание, которое его ожидает? Он был уверен, что фрёкен Хёк выпорет его розгами. При мысли об этом на лбу у него выступил холодный пот.

– Пошли-ка лучше поиграем в мяч, – предложил Гуннар. – Ведь не собираешься же ты бежать прямо сейчас?

Гуннар положил ему руку на плечо. Он был добрый, этот Гуннар. И рука его показалась Расмусу как бы защитой. Расмус немного успокоился и пошёл с Гуннаром на площадку.

А на площадке дети собрались вокруг Петера-Верзила, который с жеманной улыбочкой подходил к каждому мелкими шажками, изображая жену торговца.

– Как тебя зовут, дружок? – спросил он Эллуфа и похлопал его по голове. – Хорошо тебе живётся в Вестерхаге? Ты видел когда-нибудь такой афтамобиль? А в штаны ты делаешь когда-нибудь?

Такой вопрос жена торговца никому не задавала, но дети радостно засмеялись. Приятно было посмеяться над тем, кто внушил им сильное волнение, такое горячее тайное желание, над тем, кто никогда больше не приедет сюда – в красивой голубой шляпке и с кружевным зонтиком.

– А вот и мальчик с тазом! – крикнул Петер-Верзила при виде Расмуса. – Какие водяные фокусы ты собираешься проделать с Ястребихой завтра?

Расмусу вовсе не хотелось говорить про водяные фокусы, но раз Петер-Верзила снизошёл до того, что заговорил с ним, пришлось отвечать ему в том же духе.

– Ха! Может, на этот раз я возьму садовый шланг, – небрежно сказал он. Все засмеялись, и Расмус, ободрённый, продолжал: – Или возьму пожарный огнетушитель и устрою ей хорошую вздрючку!

Как ни странно, на этот раз никто не засмеялся. Внезапно все замолчали и уставились на что-то за спиной у Расмуса. У него как-то странно засосало под ложечкой, он резко повернулся, желая узнать, куда они смотрят.

Там стояла Ястребиха. Ястребиха в чёрном пальто с буфами на рукавах и праздничной шляпке. Тётка Ольга говорила, что она собирается к пастору на кофе... Господи, сохрани и помилуй, надо же ей было явиться сюда именно в этот момент!

– Вот как, так ты собираешься устроить мне вздрючку? – спросила фрёкен Хёк с язвительной улыбкой. – Придёшь завтра в восемь утра в мою комнату, тогда посмотрим, кто из нас получит вздрючку.

– Хорошо, хёкен Фрёк, – ответил Расмус, заикаясь от страха.

Фрёкен Хёк сокрушённо покачала головой:

- Хёкен Фрёк?.. Да что сегодня с тобой творится, Расмус?

Она ушла, а Расмус застыл на месте, понимая, что пропал. На этот раз его ничто не спасёт. Его выпорют розгами, и по заслугам. Нельзя наделать столько глупостей в один-единственный день.

- Не бойся, она бьёт не очень больно, - сказал Петер-Верзила в утешение Расмусу. - Ничего страшного. Что ты раскис?

Но Расмуса ещё ни разу в жизни не пороли розгами, и он был уверен, что не выдержит этого. Ах, почему не он укатил в коляске из Вестерхаги с женой торговца! Теперь ему остаётся только одно - бежать. Он не сможет лежать целую ночь в постели, зная, что наутро ему предстоит идти к фрёкен Хёк, где его ждёт порка. Но один он не осмелится бежать. Гуннар должен бежать вместе с ним... должен! Расмус поговорит с ним, будет просить, умолять его бежать вместе с ним. Времени терять нельзя, они должны бежать через несколько часов.

Длинный день окончился. Настало время идти спать, но дети никак не могли уgomониться. В отсутствие фрёкен Хёк дежурила тётя Ольга, а её никто из детей не боялся. Когда она прикрикнула на них, девочки послушно отправились в спальню, а мальчиков ей пришлось загонять, как строптивых жеребят. Никому не хотелось ложиться спать в такой светлый прекрасный летний вечер.

Расмус не отходил от Гуннара. Когда они раздевались, он шепнул ему:

- Гуннар, я всё-таки убегу сегодня ночью. Ты можешь убежать со мной.

Но Гуннар сердито толкнул его:

- Не болтай вздор! С какой стати тебе бежать?

Признаваться, что он бежит из-за предстоящей порки, он был не в силах даже Гуннару.

– Я уже сыт по горло этим несчастным приютом! – сказал он. – Хочу поискать где-нибудь другое место.

– Вот как! Ну, беги, – беспечно ответил Гуннар. – Только жаль будет тебя, когда вернёшься назад.

– Я никогда не вернусь.

Это звучало ужасно. Расмус сам содрогнулся. Ведь он жил в Вестерхаге с самого раннего детства. Он не помнил другого дома и другой матери, кроме фрёкен Хёк. В самом деле было страшно подумать, что он исчезнет отсюда навсегда. И по правде говоря, ему будет как-то странно никогда больше не видеть Ястребиху. Не то чтобы он любил её, но всё-таки... Однажды, много лет назад, когда у него стреляло в ухе, она посадила его на колени. Он положил больное ухо ей на плечо, а она спела ему «Кто на свете всех дороже». Он тогда любил её, он любил её долго после этого и сильно хотел, чтобы у него снова разболелось ухо. Но ухо у него больше не болело, и фрёкен Хёк больше не тревожилась за него и почти никогда не похлопывала его во время вечернего обхода. А сейчас она собирается выпороть его. Так ей и надо, что он убежит. Но всё-таки как страшно звучат эти слова: «Я никогда не вернусь».

И потом, как же быть с Гуннаром? Если Гуннар не пойдёт с ним, значит, он и его больше никогда не увидит. Это будет хуже всего. Ведь Гуннар его лучший друг, неужели они больше не встретятся? Их кровати в спальне стояли рядом, в школе они сидели за одной партой. А однажды они даже побратались: укололи себе руки за курятником и смешали свою кровь. А теперь Гуннар не хочет с ним бежать. Расмус почти рассердился на него за это.

– Ты что, в самом деле собираешься сидеть в этой Вестерхаге, покуда мхом не обрастёшь?

– Поговорим, когда ты вернёшься, – ответил Гуннар.

– Я никогда не вернусь, – повторил Расмус и опять вздрогнул.

Шумно было в спальне в этот вечер. Ястребиха отправилась в гости, а Ястребихе было, по словам Петера-Верзила, куда как просто «прищемить хвост». В такой вечер можно было вволю драться, шуметь и не ложиться вовремя спать. Под конец явилась красная от злости тётя Ольга и заявила, что она пожалуется фрёкен Хёк. Только тогда мальчишки начали укладываться, но и не подумали тут же угомониться и заснуть.

– Я принц крови, – начал Альбин в своём углу, как обычно.

Его так и прозвали «Альбин, принц крови». Он уверял, что отец его королевского рода и что сам он попал в Вестерхагу по чистому недоразумению.

– Это случилось, когда я был маленьким, красивеньким малышом, – объяснил Альбин. – Когда я вырасту, разыщу своего отца, вот тогда поглядите! Те, кто были ко мне добры, получают от меня... получают от меня подарки, целую кучу подарков.

– Премного благодарны, ваше величество, – ответил Петер-Верзила. – Расскажите, что же мы получим!

В эту игру они играли много раз. Никто, кроме самого Альбина, не верил, что он принц крови. И никто, кроме него, не верил, что он сможет подарить кому-нибудь хотя бы пять эре. Но всем им так хотелось получить в подарок «вещи», которых у них никогда не было, что они охотно слушали Альбина, когда он по вечерам, лёжа в постели, раздаривал налево и направо велосипеды и книги, коньки и всякие забавные игры.

Расмусу тоже нравилась эта игра. Но в этот вечер у него было лишь одно желание: чтобы все поскорее уснули. Всё тело у него точно зудело. Казалось, злоключения дня залезли ему под кожу и подзуживали его удрать. За открытым окном была светлая, тихая летняя ночь. Там царили мир и покой, там не было никаких розог и нечего было бояться. И может быть, где-то далеко было такое место, где приютским мальчишкам с прямыми волосами жилось лучше, чем в Вестерхаге.

Он задремал ненадолго, но скоро проснулся – от беспокойства, от того, что время настало. В спальне было тихо. Лишь храп Эллуфа перекрывал мерное

посапывание остальных. Расмус осторожно сел в постели и обшарил глазами спящих, надо было убедиться, что все уснули. И они в самом деле спали. Принц Альбин что-то бормотал во сне. Эмиль, по обыкновению, ворочался в постели. Но всё же они крепко спали. Гуннар тоже спал, тихо и мирно, положив на подушку свою лохматую голову. И вовсе не думает о том, что его лучший друг сегодня ночью покинет Вестерхагский приют навсегда. Расмус вздохнул. Как огорчится Гуннар, когда, проснувшись завтра утром, увидит, что Расмус и в самом деле убежал. Гуннар никогда бы не сказал так спокойно: «Ну и беги!», если бы в глубине души верил, что он серьёзно это решил. Он не понял, что лучше убежать, чем позволить себя выпороть розгами. Расмус снова вздохнул. Другие мальчишки не считают порку чем-то ужасным. Только он сам считал: лучше умереть, чем дать себя выпороть.

Он осторожно встал с постели и бесшумно натянул на себя одежду. Сердце у него колотилось так странно, и ноги не слушались, дрожали. Видно, им не хотелось бежать.

Он пошарил в кармане. Там лежали ракушка и пятиэровая монетка. Пять эре, конечно, не шибко большой капитал, с которым можно отправиться бродить по белу свету. Но от голода они всё же могут иной раз спасти. На пять эре можно, во всяком случае, купить несколько булочек и немного молока. Ракушка просто красивая и гладенькая, её можно не брать с собой. Пусть останется Гуннару на память о навеки потерянном друге детства. Когда он завтра проснётся, Расмуса уже здесь не будет, но на краю его кровати Гуннар увидит прекрасную ракушку.

Расмус с усилием глотнул и положил ракушку на край кровати. Он постоял немного, еле сдерживая слёзы, прислушиваясь к глубокому дыханию Гуннара. Потом он поднёс руку к его лежащей на подушке голове и погладил грязным с заусеницами указательным пальцем жёсткие волосы Гуннара. Не то чтобы Расмус хотел приласкать его, он хотел лишь дотронуться до своего лучшего друга, ведь больше он никогда не сможет этого сделать.

– Прощай, Гуннар, – тихо пробормотал он и на цыпочках пошёл к двери.

На мгновение он остановился и прислушался с сильно бьющимся сердцем, потом вспотевшей от напряжения рукой отворил дверь, проклиная её за то, что она так бессовестно скрипит.

Лестница, ведущая вниз, в кухню, тоже скрипела. Подумать только, а вдруг бы он сейчас встретил Ястребиху, что бы он ей тогда сказал? Что у него болит живот и ему надо выйти? Нет, этот номер с ней не прошёл бы.

Расмус решил прихватить с собой что-нибудь из еды. Он подёргал дверь кладовой. Она была заперта. На беду, хлебницы в кухне были тоже пусты. Он нашёл лишь один жалкий сухарик и сунул его в карман.

Теперь можно было отправляться в путь. Кухонное окно было открыто. Стоит забраться на стол, придвинуться вплотную к окну, сделать один прыжок, и он на воле!

Но как раз в этот момент он услышал, как кто-то идёт по гравию. Он сразу узнал эти шаги. Это Ястребиха возвращалась из гостей.

Расмус почувствовал, как у него занемели ноги. Если Ястребиха войдёт в дом через кухню, его ничто не спасёт. Как объяснишь, зачем ты пришёл в кухню в одиннадцать часов вечера?

Он прислушался, похолодев от страха. А вдруг она всё-таки пройдёт через веранду?

Но через веранду она не пошла. Вот слышались шаги в прихожей, кто-то взялся за ручку двери... Занемевшие ноги Расмуса вдруг напряглись, он мгновенно залез под стол и потянул вниз клеёнку, чтобы его не было видно. Секунду спустя Ястребиха вошла в кухню. Расмусу показалось, что настал его последний час. Нельзя пережить такие ужасные минуты. Сердце у Расмуса дико колотилось, вот-вот разорвётся.

Этой светлой летней ночью каждый угол кухни был прекрасно виден. Стоило фрёкен Хёк опустить глаза, и она заметила бы Расмуса, который сидел под столом как испуганный кролик.

Но фрёкен Хёк хватало своих забот. Она стояла посреди кухни и бормотала себе под нос:

– Заботы, заботы, ничего, кроме забот!

Хотя Расмус и был напуган, он всё же очень удивился, что это она бормочет? Какие у неё заботы? Подумать только, этого он так никогда и не узнает! Ведь он видит сейчас её в последний раз. По крайней мере, надеется на это.

Фрёкен Хёк вытащила из шляпы булавку, тяжёло вздохнула и вышла из кухни. И негромкий стук захлопнувшейся за ней двери показался Расмусу самым прекрасным звуком на свете.

Несколько секунд он продолжал напряжённо прислушиваться, потом быстро влез на подоконник, прыгнул и приземлился босыми ногами на холодную траву. Ночной воздух был прохладным, но вдыхать его было приятно. Это был воздух свободы. Да, он, слава Богу, был свободен.

Но радоваться было рано. Новый звук напугал его чуть ли не до смерти. Внезапно в верхнем этаже запахнулось окно фрёкен Хёк. Он услышал, как звякнул оконный крючок, и увидел, что Ястребиха, высокая, вся в чёрном, уставилась на него. В отчаянии Расмус так сильно прижался к яблоне, что казалось, готов был срастись с ней. Он затаил дыхание и ждал.

– Есть там кто-нибудь?! – негромко крикнула она.

Звуки этого столь знакомого Расмусу голоса заставили его задрожать. Он понял, что лучше всего ответить ей, пока она его не заметила. Промолчать ещё опаснее. Но губы его дрожали, он не мог выдавить из себя ни слова, а лишь стоял и с ужасом смотрел на тёмный силуэт в раскрытом окне. Ему казалось, что она смотрит прямо на него, и ждал, что она вот-вот окликнет его.

Но, как ни странно, она этого не сделала. Так же внезапно она закрыла окно и исчезла в глубине комнаты. Расмус облегчённо вздохнул. Теперь он еле различал её. Она зажгла свечу, и при её мерцающем пламени Расмус увидел на стене с обоями в голубой цветочек и с фотографией королевской семьи тень Ястребихи. Подумать только, он больше никогда не увидит эту фотографию, как и картину с Иисусом, стоящим перед Пилатом, висящую на стене напротив.

Вообще-то он даже пожалел об этом. Он рассматривал их с удовольствием в тот единственный раз, когда был в комнате Ястребихи. Но теперь всё кончено, слава Богу. Завтра в восемь утра его там точно не будет, как бы заняты ни были королевская семья и Пилат.

Ему хотелось поскорее уйти отсюда, но он не смел оторваться от дерева, пока тень Ястребихи плясала на стенах. Стоять возле дома и смотреть на Ястребиху, когда она об этом и знать не знает, было страшно и всё-таки здорово.

«Прощай, фрёкен, – думал он. – Если бы ты почаще похлопывала и поглаживала меня по вечерам, я бы, наверно, остался. А теперь прощай! Видишь, как оно вышло».

Может, Ястребиха и услышала его мысли, потому что она вдруг опустила штору. Словно хотела сказать ему: «Прощай!» Словно закрыла от него Вестерхагский приют и оставила его одного в ночи.

Он стоял в тени яблони и смотрел на старое здание, которое было ему домом. Старый белый дом с тёмными ставнями, окружённый ветвистыми деревьями, ночью казался таким красивым. По крайней мере Расмусу он казался красивым. Но тётя Ольга часто повторяла, что эту старую развалюху и убирать-то не стоит. Ясное дело, на свете есть дома и получше. Нечего печалиться, что приходится уходить. Он найдёт хорошее место, где таких жён торговцев не перечесть.

Он побежал по мокрой траве между яблонями, бросился к калитке. Отсюда шла, петляя, дорога. В летней ночи она казалась серой лентой. Он пустился бежать...

Глава четвёртая

«Я не боюсь один гулять в лесу», – говорится в стихотворении, которое им читала в школе учительница. Мальчик в этом стихотворении тоже оказался вечером один далеко от дома.

Чем же он хуже этого мальчишки-углежога? Но всё-таки одному ночью было страшно, и Расмус к этому не привык. В приюте вокруг было всегда полно людей, захочешь побыть один – приходится запереться в туалете или лезть на липу.

В Вестерхаге об одиночестве можно было только мечтать. А сейчас он оказался наедине с летней ночью, такого у него ещё в жизни не было. Такой тихой, прохладной, безветренной ночи с бледными звёздами он никогда не видел, и эта тишина испугала его. В этих молчаливых сумерках всё вокруг стало каким-то странным, ненастоящим. Только во сне он видел траву и деревья залитыми тихим светом, раньше он не знал, какие они, летние ночи.

Испуганный и замёрзший, он бежал по дороге, бежал изо всех сил. Его босые ноги стучали по холодной земле. Он торопился. Бежать по просёлку было опасно, можно повстречать людей, которые поймут, что он удрал. Дорога была и за огородами, она тоже вела в широкий мир. Узенькая, извилистая дорога, по которой зимой возили лес, а летом бидоны с молоком, когда коров выгоняли на пастбища. Там можно было не бояться встретить кого-нибудь, кто станет тебя расспрашивать, что ты делаешь здесь один ночью. И всё же он не решился бежать окольным путём. Заросли орешника казались какими-то заколдованными, а осины шелестели так печально, хотя не было ни малейшего ветерка. Отчего же тогда шелестели осины, да ещё так печально?

«Я не боюсь один гулять в лесу» – нет, но был бы здесь хотя бы Гуннар. Если бы можно было держать кого-нибудь за руку! Тени были такие тёмные и густые. Весь мир затих, будто умер. Все звери и птицы спали, и люди тоже. Один он шёл, одинокий и испуганный. «Нет, я боюсь один гулять в лесу» – вот что он мог сказать про себя. Он вовсе не такой храбрый, как тот отважный маленький углежог. «Хотя мой дом отсюда далеко», – говорится дальше в этом стихотворении. И это была чистая правда.

К тому же он ужасно проголодался. Расмус сунул руку в карман и достал сухарик, потом съел его, но в желудке было по-прежнему пусто. Он испуганно подумал: «А есть ли на свете добрые люди, готовые накормить одиноких приютских мальчиков с прямыми волосами, которых никто не хочет взять себе в приёмные сыновья?»

Он сильно проголодался. И устал. Нужно было найти подходящее место для ночлега. Но ещё не сейчас. Сейчас ему ещё не время отдыхать. Нужно успеть уйти как можно дальше от Вестерхаги, пока не рассвело. Пока не увидят, что его нет в постели. Подумать только, что будет, когда его хватятся! Может, Ястребиха пошлёт полицейских искать его?

Мысль об этом заставила его прибавить ходу. Съёжившись и засунув руки в карманы, он трусил по дороге, стараясь не глядеть по сторонам, в сумрачное царство теней. Как одиноко было ему и как горько! Он всё ещё шёл и шёл.

Короткая летняя ночь кажется долгой, когда идёшь по дороге. Расмус шёл без передышки, покуда мог переставлять ноги. Но вот глаза у него стали сами по себе смыкаться, а голова клониться к груди. Рассвело, солнце бросило в ветви деревьев первые лучи, но Расмус этого не замечает. Заискрилась паутинка на траве, заблестели росинки, лёгкий, уверенный туман исчез неизвестно куда. На ближнюю берёзу уселся проснувшийся дрозд и издал первую ликующую трель. Но мальчик и этого не видит. Он устал и хочет спать. Так устал, что не выразить словами.

Но вот наконец он видит впереди маленький сарай, в каких любят ночевать бродяги. Этот ветхий серый сарайчик стоит посреди луга и кажется таким гостеприимным. В это время года в таких вот луговых сараях полным-полно сена.

Расмус с трудом открывает тяжёлую дверь. Внутри темно и тихо, славно пахнет душистое сено. Он делает глубокий вздох, похожий на всхлипывание, падает на сено и тут же засыпает.

Он проснулся от холода и оттого, что нос щекотала соломинка. Он рывком вскочил, не понимая, где находится и как сюда попал. Но внезапно он всё вспомнил, и от чувства бесконечного одиночества на глазах у него выступили слёзы. Он был так несчастен: быть беглецом оказалось гораздо хуже, чем он ожидал. Ему уже захотелось вернуться в Вестерхагу, там Гуннар, тёплая постель и утренняя каша. Да, он жалел о приюте как о потерянном рае. Конечно, там могут и выпороть иногда, и всё же это не так страшно, как быть совершенно одному на свете, мёрзнуть и голодать.

Сквозь маленькую щель в стене в сарай проникал солнечный лучик. Видно, днём опять будет хорошая погода, а не такая паршивая холодина, как прошлой ночью. На нём были фуфайка и штаны из домотканой материи, которые тётя Ольга залатала на коленях. И всё же он стучал зубами от холода. Больше всего ему хотелось лечь и ещё поспать, но какой уж сон в такую холодину. Дрожа, он залез в сено и мрачно уставился на пылинки, пляшущие в струйке солнечного света.

И тут он что-то услышал. Что-то такое ужасное, что заставило всё его тело от головы до кончиков пальцев содрогнуться. Кто-то громко зевнул рядом с ним. Расмус был не один в этом сарае. Кто-то ещё спал здесь этой ночью. Он со страхом обвёл глазами сарай. И тут он увидел, что совсем близко от него из копны сена торчит чья-то кудрявая тёмно-русская макушка. Кто-то откашлялся и сказал:

День да ночь –

сутки прочь.

Утром встать мне невмочь.

Вот из копны сена вынырнула и вся голова. Лицо у человека было круглое, небритое, с тёмной щетиной. Лукавые глаза уставились на Расмуса с удивлением, и круглое лицо расплылось в широкой улыбке. Собственно говоря, незнакомец вовсе не казался опасным. Вид у него был такой, что он вот-вот расхохочется.

– Здорово! – сказал незнакомец.

– Здорово... – неуверенно ответил Расмус.

– Чего ты испугался? Думаешь, я ем детей?

Расмус не ответил, и человек продолжал:

– Ты что за прыщ? Как звать-то тебя?

– Расмус, – жалобно пискнул Расмус, он боялся ответить и боялся промолчать.

– Расмус... Стало быть, ты Расмус, – сказал небритый и задумчиво кивнул. – Так ты убежал из дома?

– Нет... не из дома... – промямлил Расмус, не считая, что врёт.

Вестерхага ведь не была настоящим домом. Неужто этот небритый думает, что можно убежать из настоящего дома?

– Да не бойся ты, в самом деле. Говорю тебе, не ем я детей.

Расмус набрался храбрости:

– А вы что, дядя, сбежали из дома?

Небритый засмеялся:

– Дядя? Так я похож на дядю? Сбежал ли я из дома? Пожалуй... сбежал... ты прав! – ответил он и захохотал ещё сильнее.

– Значит, вы, дядя, бродяга?

– Кончай звать меня дядей. Оскар – моё имя.

Он поднялся с сена, и Расмус увидел, что незнакомец и в самом деле бродяга. На нём была мятая одежда: потёртый клетчатый пиджак, висящие мешком брюки. Человек этот был высокий и плотный, добродушный на вид. Когда он смеялся, белоснежные зубы ярко выделялись на его небритом лице.

– Так ты говоришь, бродяга? А слышал ты про Счастливого Оскара, Божью Кукушку? Это я и есть. Счастливый бродяга, как есть Божья Кукушка.

– Божья Кукушка? – удивился Расмус, подумав, что у этого бродяги не все дома. – А почему ты, Оскар, называешь себя Божьей Кукушкой?

Оскар глубокомысленно потряс головой.

– Кто-то должен ею быть. Кто-то должен бродить по дорогам и прозываться Божьей Кукушкой. Господу угодно, чтобы на свете были бродяги.

– Угодно?

– Да, угодно, – с уверенностью ответил Оскар. – Когда Он потрудился и создал землю, то пожелал, чтобы на ней было всё-всё. И как же тут обойтись без бродяг? – Оскар весело кивнул: – Божья Кукушка, самое подходящее прозвище.

Потом он сунул кулак в рюкзак, стоящий рядом с ним на сене, и достал большой пакет, завёрнутый в газету.

– Сейчас не худо слегка перекусить.

При этих словах Расмус почувствовал, как желудок у него сжался от голода. Он до того хотел есть, что готов был, как бычок, жевать сено.

– У меня где-то здесь стоит бутылка молока, – продолжал Оскар.

В один прыжок он оказался у двери, которая открывалась туго, со скрипом. Оскар распахнул её, и в сарай влился широкий поток света. Оскар потянулся и исчез, но тут же вернулся, держа в руке литровую бутылку молока, заткнутую пробкой.

– Как я уже сказал, самое время позавтракать, – сказал он и уселся на сене поудобнее. Потом развернул газету и достал бутерброды – здоровенные ломти ржаного хлеба грубого помола с салом. А сало Расмус любил больше всего на свете.

Оскар, понятное дело, тоже любил сало. Он жевал, любовно поглядывая на бутерброд, и снова жевал. У Расмуса от голода побелел нос. Он старался смотреть в сторону, но это было просто невозможно. Бутерброд неумолимо притягивал к себе его взгляд. Он чувствовал, как во рту у него накапливается слюна.

Кінець ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Ястреб (шв.).

Купити: <https://telnovel.com/astrid-lindgren/rasmus-brodyaga-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)